

Русизмы и украинизмы в чешском языке конца XX – начала XXI вв.: Новые коннотации и контекстуально-прагматические значения

ALEKSANDR VIKTOROVICH SAVCHENKO

*National Chengchi University, No. 64, Sec. 2, Zhinan Rd., 116,
Wenshan, TW – Taipei, savchenko75@mail.ru*

1.01 Izvirni znanstveni članek – 1.01 Original Scientific Article

---

Značilno sporočevalno sredstvo sodobnih razprav so besedni prenosi tujejezičnih besednih delov, ki imajo delno spremenjeno obliko zaradi glasoslovnega, oblikoslovnega ali besednega prilikovanja. Članek predstavlja zgodovinski pregled besednih prenosov, nato pa primerja rabo besed iz tujih jezikov v izvirni ali nekoliko spremenjeni obliki v sorodnih slovanskih jezikih; gre predvsem za besedne prenose iz ruščine in ukrajinščine v češčino – predstavljeni sta tipologija jezikovnih pojavov in osnovne funkcije njihove uporabe.

The use of the method of so called lexical transplantation, i.e. the inclusion to the text (written or oral) foreign lexical units in the original or transformed form (phonetic, morphological, lexical assimilation in the host language) is a very characteristic and specific feature of modern discourse. The article is devoted to the history of the borrowings, including the cases of so-called lexical transplantation, i.e. inclusion (resp. usage) to the text (written or oral) foreign words and expressions from another language in their original or slightly modified form, in our case from the closely related languages Russian and Ukrainian to Czech: their meaning, usage and pragmatic functions in the language. In the article are presented examples of usage of “transplantants-Russianisms and Ukrainisms” in the Czech language, described their typology and basic functions.

Ključne besede: češki jezik, ruski jezik, prevzemanje besed, leksikalni prenos, novota, slovanski jeziki, jezik oglasov, uradni pogovor

Key words: Czech language, Russian language, borrowing, lexical transplantation, neologisation, Slavic languages, language of propaganda, official discourse

---

0 Введение

Исторические и культурные связи России, Украины и Чехии имеют давнюю традицию. Так, русско-чешские межъязыковые контакты становятся особенно актуальными в конце XVIII в. и связаны с началом эпохи чешского

национального возрождения. Выдающийся чешский ученый-славист Й. Добровский, основоположник научного славяноведения, во многом на основе лексической системы русского языка воссоздавал пришедший в относительный упадок литературный чешский язык в период, когда Чехия входила в состав Австрийской монархии. Побывав в 1792 – 1793 гг. в России (в Москве и Петербурге), он первым опубликовал целый ряд работ по сравнению грамматической и лексической системы русского и чешского языков, среди которых упомянем его труд 1796 г. «Vergleichung der Russischen und Böhmischen Sprache. Nach dem Petersburger Vergleichungs-Wörterbuche aller Sprachen» («Сравнение русского и чешского языков. По Петербургскому Сравнительному словарю всех языков»), в котором содержится 273 русско-чешских лексических соответствия, записанных в чешской транслитерации, истолкованных с помощью немецкого и латинского переводов и дополнительно прокомментированных самим Й. Добровским (Лилич 2016: 23). Также назовем и два созданных им словаря: «Список несколько отличающихся слов» (287 слов), составленный по тематическому принципу, и «Русско-чешский список некоторых слов, значительно отличающихся друг от друга» (261 слово), в котором лексемы даны в алфавитном порядке. Оба словаря были созданы как составная часть учебного пособия по русскому языку, которое также подготовил Й. Добровский. Упомянутый учебник русского языка для чехов вышел в 1799 г. под названием «Neues Hülfsmittel die Russische Sprache leichter zu verstehen, vorzüglich für Böhmen, zum Theile auch für Deutsche. Selbst für Russen, die sich den Böhmen verständlicher machen wollen. Ein zweckmässiger Auszug aus Heyms Russischer Sprachlehre». Также отметим, что этот учебник, включающий русско-чешские словари, появился в период, когда через Чехию по пути в Италию и Швейцарию проходили русские войска, входившие в антинаполеоновскую коалицию, благодаря чему и возникали живые контакты между чешским населением и русскими солдатами.

Таким образом, именно благодаря Й. Добровскому в чешский язык вошло значительное количество русизмов, которые он вводил в языковой обиход с целью обогащения словарного состава чешского литературного языка, создания лексически богатых синонимических рядов; многие русизмы использовались чешскими литераторами как поэтизмы – т.е. как стилистически возвышенная лексика, например, такие слова, как *děva*, *šeja*, *trud*, *vesna*, *šum*, *vkus*, *bol* и др., наряду с исконными чешск. *divka* или *holka*, *krk*, *práce*, *jaro*, *hřmot*, *okušení* или *chut'*, *bolest* (Лилич 2016: 23).

Дело, начатое Й. Добровским, продолжил другой видный чешский ученый эпохи национального чешского возрождения – его ученик и последователь Й. Юнгман. Благодаря его активной переводческой деятельности в чешский язык XIX в. из русского вошли, например, такие слова, как *vzduch* (вместо чешск. *povětrí*), *příroda* (чешск. *přírození*), *vesmír* (в зн. *космос*; досл. «весьмир»), *obřad*, *záliv* и многие другие. Данная тема подробно исследована и представлена, в частности, в работах известного слависта-богемиста Г.А. Лилич (Лилич 1974, 2003, 2016 и др.).

1 Русизмы в чешском языке в XXI веке

Новый этап активного вхождения русизмов в чешский язык отмечается во второй половине XX в., после окончания Второй мировой войны, и связан с установлением в Чехословакии социалистического строя. Начавшиеся социально-политические преобразования, осуществлявшиеся под покровительством СССР, оказали свое влияние и на язык. Это в первую очередь коснулось официального дискурса, т.е. языка государственных органов и учреждений, средств массовой информации. За образец нередко брались готовые шаблоны из советских агитационно-пропагандистских материалов. Актуальные процессы в лексике чешского языка 50-х гг. XX в. чешский лингвист М. Докулил описывал так:

Вполне естественно, что с учетом сегодняшнего ведущего положения русского языка как связующего звена, на языковом уровне объединяющего все социалистические страны и народные демократии, а также в условиях постоянно растущего осознания славянского единства, в качестве источника пополнения лексики все более важное значение приобретает русский язык. Из русского мы, например, заимствовали слова *prověrka, stachanovec, katuše, jarovisace, stěngazeta, staršina, obezlička, šturmovština, krasnoarmějec, chozraščot*, через посредство русского к нам пришли *kombajn, kombajněr, novátor, kinofikace, fyskultura* и др.¹ (Dokulil 1955: 129)

Характерной иллюстрацией того, как поощрялось изучение русского языка в середине XX в., может служить цитата из выступления К. Готвальда, политического лидера Чехословакии в описываемый исторический период:

/.../ мы, строя социализм, осознаем, каким помощником является для нас русский язык, который дает нам возможность непосредственно черпать из источников советской науки и культуры, напрямую договариваться с нашими друзьями и советчиками (цит. по: Лилич 1958: 38).

Спустя много лет чешская газета «Лидове новины» (Lidové noviny) так оценила атмосферу того времени: «Наивная послевоенная просоветская эйфория» (LN, 15.02.1999). В этой же связи заметим, что в этот период преподавание русского языка было введено в школах на всех уровнях в качестве обязательного предмета (Korostenski 2016: 43).

Означенное явление имело как положительный, так и отрицательный характер. С одной стороны, оно способствовало обогащению словарного состава: в чешский язык активно входили новые слова-реалии общественно-политической и экономической жизни, расширялась терминология (в частности, в научно-технической и военной сфере). Тем не менее, с другой стороны, начавшееся в скором времени активное насаждение русскоязычных элементов, главным образом идеологического характера, привели к излишнему засорению чешского языка русизмами: в него стало проникать большое количество русских слов, зачастую вытеснявших традиционные чешские, например, *požárnik* (вместо чешск. *hasič*), *pohraničnik* (вместо чешск. *hraničář*) и др. – в ряде случаев, как в приведенных, такая замена происходила

---

¹ Здесь и далее перевод наш.

для повышения репутации профессии. Помимо этого, в языковом обиходе стали активно использоваться т.н. русизмы-советизмы: *agitátor, šturmovština, prověrka* и т.п. Говоря о результатах подобного явления, Й. Гасил отмечает:

Сорок лет тоталитарного общественного режима /.../ отразились на чешском языке. Возник так называемый «аппаратный» чешский язык; очевидный упадок (культуры языка – *примечание наше*) проявлялся и в публичных выступлениях партийных и государственных деятелей-недоучек. (Hasil 2001: 88)

С течением времени многие из таких лексических единиц постепенно «врастали» в чешский язык и фактически переставали отождествляться с русским языком.

Близость фонетического, лексического и синтаксического уровней русского и чешского языков способствовала естественному и быстрому вхождению многочисленных русизмов, в первую очередь – советизмов, в чешский язык (Dokulil 1955, Лилич 2016). Подобные слова нередко проникали и в язык художественной литературы. Во многих произведениях того исторического периода (особенно написанных по законам литературного направления социалистического реализма) русизмы, а также многочисленные лексические и семантические кальки из русского языка стали неотъемлемой частью образительных и выразительных средств. Результаты влияния русского языка на чешский, в первую очередь в области общественно-политической лексики, подробно изучались, в частности, в работах: (Лилич 2003, Křížková 1953, Коломієць 1973 и др.).

Однако нередко заимствовались слова, фонетический облик которых противоречил системе чешского словообразования и фонетики; в результате подобных, часто бездумных и необоснованных, заимствований в чешском языке возникали слова-варваризмы, типа *jolka* (чешск. *stroměček*), *jaščík* (чешск. *skříňka*), *chozrasčot*, *trudoden* и т.п. Такого рода русификация, с одной стороны, нередко вызывала раздражение, а с другой – в разговорной речи подобные слова часто становились предметом шуток, иронического обыгрывания, ерничания. Использование в живом неформальном общении на чешском языке отдельных русских слов и выражений начало приобретать оттенок иронии, (скрытой) насмешки, сарказма. Это во многом нашло отражение и в произведениях чешской литературы, где употребляемые русизмы и советизмы, а также искаженный (как правило, намеренно) русский язык в речи литературных героев-чехов являются, по определению чешского исследователя П. Мареша, «символическим олицетворением ‘привозного ужаса’, им присуща черта чужеродности, недружелюбности» (Mareš 1998: 29).

В качестве наглядных примеров характерны несколько небольших пассажей из романа Й. Шкворецкого «Танковый батальон», в которых встречаются элементы (как целые фразы, так и отдельные слова) (намеренно) искаженного русского языка:

Četař pravil rusky «Charašo» /.../; «Ať žije /.../ generalissimus Josef Vysralionovič Stalin!» V ačestvu generalissimově udělal Líbezný obvyklou chybu /.../; «Nu což,» pravil Borovička pa rusky; [солдам] Obrátil se na jednookého a slavnostně pronesl: «Tovaryš palkóvnik, dovolitě miňa informacírovat vas dlja situaci!» и т.п. (Савченко 2002).

Суть данного явления точно выразил чешский лингвист Ф. Данеш:

Внешнее грубое давление вызывает, скорее, явное отвращение и даже сопротивление насильственно навязываемым языковым явлениям. Люди предпочитают свободный выбор. (Daneš 1997: 20)

Подобное использование русизмов и в первую очередь – русизмов-советизмов в художественном тексте, а также в повседневной коммуникации (устной и активно развивающейся сегодня интернет-коммуникации) можно считать одним из способов ироничного отрицания прошлого и стремлением порвать с этим прошлым, выраженным в форме своеобразного языкового (речевого) каламбура.

В целом, лексемы, подобные вышеприведенным, можно отнести к т.н. лексическими трансплантатами. Под данным термином понимаются слова, перенесенные из одного языка в другой в точной, максимально приближенной к оригинальной или в несколько адаптированной в соответствии с фонетическими правилами принимающего языка форме (Савченко – Хмелевский 2008; Савченко – Хмелевский 2018). Это явление, однако, не тождественно понятию ‘заимствование’, поскольку в принимающем языке для таких трансплантатов, как правило, уже существуют соответствующие лексические эквиваленты, в то время как заимствования заполняют лакуны «безэквивалентности». От варваризмов и экзотизмов лексические трансплантаты отличаются тем, что последние обычно окказиональны и практически не фиксируются словарями.

На современном этапе многие русизмы, заимствовавшиеся начиная с XVIII в. (в первую очередь, русизмы-советизмы XX в.), вышли из употребления в чешском языке, однако некоторые такие слова и выражения живут в чешской «языковой памяти» по сей день, что также нередко отражено в произведениях литературы. Вспомним в этой связи такие произведения, как «Танковый батальон» Й. Шкворецкого (J. Škvorecký *Tankový prapor*, 1971), «Лучшие годы – псу под хвост» М. Вивега (M. Viewegh *Báječná léta pod psa*, 1992), «Дерьмо горит» П. Шабаха (P. Šabach *Hovno hoří*, 1994), многие произведения М. Кундеры и других авторов.

Функции русизмов в современном чешском языке можно представить и проиллюстрировать соответствующими примерами следующим образом:

1) Русизмы, прочно вошедшие в чешский языковой обиход (особенно в том случае, если они не противоречат фонетической, словообразовательной и морфологической системе чешского языка) и, как правило, утратившие стилистическую окраску; сегодня они уже не воспринимаются как русские по происхождению. К подобным словам можно отнести, например, такие, как *učiliště* (наряду с чешск. *průmyslová škola*), *prověrka* (наряду с чешск. *kontrola*); некоторые русизмы развили или изменили свое первоначальное значение: *ochranka* («охрана, секьюрити»; первоначально как историческая реалья времен Российской империи – *царская охранка*), *čínovník* («должностное лицо, работник общественной организации, чиновник», в спорте: «член судейского корпуса») и др.

История слова *prověrka* достаточно интересна: оно было заимствовано в 50-е гг. XX в. для обозначения кадровой чистки. По семантике лексема *prověrka* была идентична другому русизму-советизму – *čistka*; данный советизм был зафиксирован словарем чешского языка Ф. Травничека еще в 30-е гг. (таким образом, и само понятие, и слово уже были достаточно известны и употребительны в чешском языке) (Trávníček 1952). Замена одного русизма другим обусловлена тем, что лексема *čistka* в 50-е гг. XX в., когда начались партийные чистки в Чехословакии, звучало пугающе. Благодаря своему достаточно широкому смысловому значению со временем слово *prověrka* приобрело широкое распространение в значении «общественный контроль» (Лилич 2003). Данное существительное стало мотивирующей основой для образования новых чешских слов: существительного со значением отвлеченного процессуального признака *prověřování* и глагола *prověřovat / prověřit*. Лексема *čistka* вновь вернулась в обиход, получив дополнительное смысловое, терминологическое расширение – *etnická čistka*: (пример заголовка) *Politická očista nebo etnická čistka*².

Интересный семантический сдвиг произошел со словом *trud*. Оно стало употребляться для обозначения трудной, физически тяжелой работы (это также одна из причин, по которой в чешском языке не прижилось слово *trudoden*) (Hausenblas 1950), став в этом значении синонимом слову *robota* с аналогичным значением («тяжелый физический труд»).

Русский язык обогатил также и чешскую военную терминологию. Исторически русизмами (кроме уже упоминавшегося выше слова *pohraničník*) являются, например, такие слова, как *nábor* – «набор, призыв в армию», семантическую кальку представляет собой выражение *vojenská služba* (наряду с чешск. *vojna*). Слово-русизм *trenýrovka*, по замечанию Й. Неквапила, является сленгизмом (помимо слова *trénink*, существует военный термин *nácvik* в том же значении) (Nekvapil 1979: 137). Первоначально использовавшиеся применительно к армии слова *sborka*, *rozborka* (сборка – разборка оружия) сейчас употребляются значительно шире, в том числе в языке технической документации. Слово *vojín* (восходящее к общему праславянскому корню **vojь-*) расширило свою семантику и в современном чешском языке означает не только «воин, солдат» (являясь в этом значении – как и в русском – стилистически возвышенным), но и воинское звание *рядовой*.

Очевидный семантический сдвиг наблюдается в случае со словом *brigáda*. Этимологический словарь чешского языка отмечает, что оно пришло из французского языка как термин эпохи Тридцатилетней войны; итальянский язык придал этому слову значение вида войскового подразделения (Holub, Korešpů 1952: 76). После 1945 года, под влиянием словарной дефиниции этого слова в русском языке, оно приобретает новое значение и в чешском – «группа людей, (добровольно) выполняющих какую-либо работу, задание». В словаре Й. Голуба и Ф. Копечного указывается на то, что в данном значении

² Здесь и далее все приводимые примеры без ссылок зафиксированы нами из современных чешских СМИ, интернета и социальных сетей (в частности, *Lidové noviny*, *Mladá fronta Dnes*, *iDnes.cz*, *Seznam.cz*, *Blog.sme.sk*, *Youtube*, *Facebook*)

слово *brigáda* является неологизмом (на время выхода этого словаря, т.е. в 50-е гг. XX в.), заимствованным из русского языка (Holub, Korešný 1952). Помимо названного, в чешском языке развилось и самостоятельное значение лексемы *brigáda* – «добровольный труд данного коллектива». Слово получило дальнейшее словообразовательное развитие – дериват *brigádník* «временный, добровольный работник, работник, посланный в помощь, шабашник». Продуктивным с точки зрения деривации стало и слово *samizdat* – от него образованы прилагательное *samizdatový* и наречие образа действия *samizdatově*. Сегодня в новых социально-политических условиях актуализируются и такие слова – исторические русизмы, как, например, *běženec*, *pogrom*, *zvěrstva* и др.

2) Некоторые лексемы сохранили эмоционально-экспрессивный (как правило негативный) заряд, однако их употребление уже не мотивировано прошлым, например, *bumážka*, *bumaga* (*bumága*) – как символ бюрократической волокиты. Приведем зафиксированный нами фрагмент из живой разговорной речи: *Oni tam po mně chtěli ňakou tu bumážku*. Примечательно, что это несчастный случай, когда заимствованное слово-варваризм, активно используемое в чешской обиходно-разговорной речи, зафиксировано современными чешскими словарями, которые с пометой *нар.-разг.* указывают значение данного слова следующим образом: «официальный документ, справка, разрешение».

Ярким примером воздействия советских реалий на чешский язык, по нашему мнению, является слово *šturmovština* (первонач. созданное в русском языке на базе немецкого языка). Сравни определение Толкового словаря языка Совдепии: «штурмовщина – *разг., неодобр.* Пospешная, авральная работа с целью наверстать упущенное, происходящая при нарушении плановости в организации дела» (Мокиенко, Никитина 1998: 672). Негативная оценка, заключающаяся в исходном русском слове *штурмовщина*, подчеркивается суффиксом *-щин-*. Следует отметить, что чешское соответствие – суффикс *-štin-* – также является морфологическим русизмом, сравни ранее заимствованное слово *oblomovština*. Осталось в чешском языке и слово *stachanovec* – иронично о человеке, который слишком много работает. Как пример процитируем высказывание чешского политика М. Земана в интервью популярной чешской газете «Лидове новины» в конце 90-х гг.: (о своем графике работы) *Já jsem cosi jako stachanovec, já strašně dřu*. Или шутливое сочетание в тексте – рекламе батареек как пример языковой игры на базе знакомого образа «долго и продуктивно работающего человека – стахановца»: *Stachanovec či Duracell*. Синонимом слову *stachanovec* является другой распространенный в середине прошлого века русизм-советизм – *úderník*.

3) В некоторых контекстах исторически заимствованные слова-варваризмы порой становятся предметом обыгрывания, создания каламбура: *vánoční jolka* (чеш. *stroměček* – новогодняя елка), *e-mail jáščík* (чеш. *skříňka* – электронный почтовый ящик) и т.п.: *Podářilo se mu v Petrohradě získat e-mail jáščík*.

4) Чешские словари неологизмов (например Martincová 1998; 2004) уже фиксируют слова-русизмы, отражающие некоторые реалии современной

жизни, например *maršrutka*, *bumázka*, *začistka* и др. Подобного рода лексемы достаточно быстро обретают статус обычных слов-неологизмов и входят в языковой обиход благодаря близости фонетической и словообразовательной моделей.

5) Сохраняются в чешском языке и некоторые семантические кальки, например такие, как: *dům kultury*, *dům oddechu*, *park kultury a oddechu*, *přežitky minulosti* и др.

6) По-прежнему достаточно частотным остается прием лексического трансплантирования русских слов. Как правило, подобные лексические трансплантанты, чаще всего номинирующие наиболее характерные реалии повседневной жизни, используются для создания разнообразных стилистических эффектов, а также нередко подчеркивают национальный русский колорит. Среди наиболее употребительных лексем подобного рода, встречающихся в чешских устных и письменных текстах (в первую очередь это характерно для языка интернета: чаты, блоги, мессенджеры, соцсети и т.п.), можно отметить слова *dača*, *dačnick*, *matrjoška*, *stakan (vodky)*, *samohonka*, *děngi*, *děňgi*, *děngi*, *babuška*, *načálník*, *děžurný* (например, дежурный по станции или дежурный военный на боевом посту). Вошла в чешский язык и реалия, некогда характерная для советских гостиниц – *дежурная по этажу*: *děžurnaja / děžurná*. В качестве примера приведем впечатление чешских туристов о России, опубликованное на интернет-форуме Sport.cz:

Na patrech už ale dnes nehlídají typické sovětské «děžurné», tedy pokojské a uklízečky v jedné osobě, které kdysi zodpovídaly za jednotlivá patra.

Или такой фрагмент:

Děžurnaja však neocenila naše rozsáhlé znalosti cizích jazyků a tak to vypadá, že Auroru půjdeme shlédnout až s ranním sluncem (17.04.2007).

Иногда на базе лексических трансплантантов могут создаваться шуточные, комичные сочетания, как, например, состоящее сразу из двух иностранных для чешского языка слов выражение *security-bábuška* в таком контексте:

Za zmínku stojí ještě přehnaně aktivní security-bábuška na Petrohradském letišti, která mi po kontrole batohu omylem roztrhala letenku, domnívající se, že to byl lístek od bagáže.

Употребление такого типа лексем характерно, в основном, для живой разговорной речи и языка неформальной интернет-коммуникации.

В чешских текстах также встречаются и некоторые лексические трансплантанты, отражающие культурные реалии прошлого (относящиеся к периоду, начиная с середины XX в.), что свидетельствует о том, что многие «неполитические» реалии также до сих пор сохраняются в культурной памяти. В качестве примера приведем такую фиксацию: чешский болельщик, побывавший в Петербурге, описывает некогда главный стадион города «Петровский» фразой: *opět stadion vzor Nu, pagadi!*. Аллюзия связана со сходным

образом в одной из серий известного советского мультфильма «Ну, погоди!». Мультфильм, который также был популярен в Чехословакии (под названием *Jen počkej, zajáci!*), – это также прецедентный феномен: фраза *Nu, pagadi!* хорошо знакома чехам и узнаваема ими и сегодня.

Еще раз упомянем и о распространенном приеме имитации русского языка в современной чешской (интернет-) коммуникации. Как и прежде, это один из популярных способов создания различных стилистических контрастов. Представим лишь несколько подобных контекстов:

Maskvá, Maskvá, stalyca naša (заголовок); *Těsně před Irkutskem přichází vlakvedoucí a našeho děžurného jebe přímo před cestujícíma: «Pasmatřítě, što éto? Éto musor!»; kamarád děkuje policajtům slovy «óóóčeň spasiba»; Ve vedlejších oddíle placárty cestuje óčeň krásivaja diěvočka se svojí protivnou matkou.*

В целом, необходимо отметить, что употребление русизмов, в т.ч. и лексических трансплантантов, и прием имитации русского языка в текстах и речи уже фактически утратило тот налет «чужеродности», о котором писал Ф. Мареш. Сейчас такие единицы чаще всего используются в функции шутливо-ироничного описания современных российских реалий. Как нам представляется, на языковом уровне это может служить доказательством того, что значение слов-советизмов и их прагматические функции уже не связаны со сферой идеологии и пропаганды.

2 Украинизмы в чешском языке в XXI веке

Важным явлением в рамках рассматриваемого вопроса можно считать вхождение в чешский язык в начале XXI в. целого ряда украинизмов-неологизмов. Это в первую очередь связано с политической ситуацией на Украине в последние десятилетия. Одними из первых в чешский языковой обиход вошли слова, ставшие символом ключевых политических событий в стране начала XXI в.: *majdan, Euromajdan* и *Oranževá / Oranžová revoluce*. Примечательно, что лексемы *majdan, Euromajdan* демонстрируют значительный словообразовательный и стилистико-прагматический потенциал и в словацком языке (Саболова 2018).

В чешском языке (особенно в интернет-коммуникации) также встречаются дериваты на базе слова *majdan*, например, имя прилагательное *majdanový*:

!.../ v příští revoluci – ne sametový ale majdanový se bude znárodňovat a střítet; Byl mezi nimi i guvernér centrální banky Viktor Juščenko, pozdější «majdanový» prezident; Majdanový pučistický režim se hospodářsky a politicky sesype.

С помощью продуктивного суффикса *-ova-* образован и глагол *majdanovat*:

Chtěli byste majdanovat? Lidé si ve volbách zvolili, tak se s tím musíte smířit; No, tak zkuste doma neplatit za plyn, co se vám stane... a můžete majdanovat i v Praze na Václaváku...

Вошло в чешский язык и слово, обозначающее участника данных событий, – *majdanovec*:

Navic Machnytskij byl taky majdanovec, takže on přece neprozradí, jak to ve skutečnosti bylo.

К украинизмам-неологизмам можно отнести лексему *nezaležná*, ставшую фактически метафорической номинацией независимой Украины:

/.../ to ovšem znamená, že si Ukrajina nebude moct diktovat ani objemy plynu, ani tranzitní poplatky /.../ BTW-oligarchům je celá «nezaležná» ukradená.

Встречается в чешском языке и украинизм *svidomost* (причем с более характерным для чешской фонетической системы суффиксом *-ost*, ср. ориг. укр. *свідомість*) – слово, ставшее символом нового национального самосознания граждан независимой Украины. А благодаря пристальному вниманию к происходящим там политическим событиям оно вошло и в другие славянские языки, в частности русский (*свидомость*) и чешский, что иллюстрирует приводимый ниже контекст:

Začínají si postupně uvědomovat, že jejich svidomost je vítr a kouř na pozadí upadajících Spojených států i EU.

В украинском языке нередко встречается и понятие «*свідомізм*», который представляет собой кальку с французского *conscience*. Данное слово также зафиксировано в чешском языке:

Svidomizmus – ukrajinský výraz pro vědomé vlastní povýšení se nad druhé na základě příslušnosti k neexistujícímu ukrajinskému národu (Outsidermedia.cz, 19.11.2018).

Наряду с новыми, уже традиционными в чешском языке стали слова-украинизмы, обозначающие яркие и в определенной степени «стереотипные» украинские реалии, в частности, *boršč*, *varenyky*, *hopak*, *bandura*, *šarovary*, *horilka* (реже: *horylka*) и др. (Хмелевский 2018: 121).

Примечательна история вхождения в чешский язык названия украинской денежной единицы *гривня*. Сразу же после введения в официальный оборот новой валюты независимой Украины возник вопрос адекватной передачи данного наименования на разных славянских языках, в том числе и на чешский. Первоначально в чешскоязычных текстах встречалось сразу три варианта написания: *hrivna*, *hryvna* – более приближенные к языку-оригиналу (к примеру, фрагмент статьи из «Экономической газеты» (*Hospodářské noviny*) за 5 сентября 1997 г.: *Ukrajinská hrivna píše svou existenci od září loňského roku, kdy byl její kurs nastaven na 1,76 hrivny (UAH) za dolar.*), и *hřivna* – переданное с соблюдением фонетических законов чешского языка. Последняя номинация в настоящее время официально закрепились в чешском языке и зафиксирована словарями.

В целом можно отметить, что количество украинизмов в современном чешском языке относительно невелико и значительно уступает по количеству русизмам. При этом подобные украинизмы либо обозначают традиционные реалии, связанные с украинской культурой, либо отражают актуальные общественно-политические события. Такие лексемы номинируют новые

реалии, актуальные процессы, происходящие в жизни общества; их цель которых – передать, помимо заключенного в них значения, «оригинальный колорит» исходного слова. С другой стороны, их использование свидетельствует о важности подобных лексических единиц в соответствующих контекстах и коммуникативных ситуациях в исходном языке, о «концептуальности» заключенного в таких словах смысла. Следует подчеркнуть, что не все такие слова являются заимствованиями и включаются в словари; они остаются окказиональными лексическими трансплантатами и со временем уходят из «языковой памяти».

3 Выводы

Таким образом, можно отметить, что процесс проникновения слов из русского и украинского языков в чешский часто обусловлен определенной степенью стереотипизации сознания народов, представлений славян друг о друге, возникновением новых реалий, которые становятся особо актуальными в конкретных социально-политических обстоятельствах, а также в рамках долгих и активных культурно-исторических контактов.

На основе осуществленного анализа можно выявить следующие основные функции случаев лексического трансплантирования: 1) передача национального колорита, включая характерные, специфические реалии (сюда же может относиться и безэквивалентная лексика); 2) ирония, юмор; 3) стеб, ерничество, сарказм, уничижение; 4) отражение новых актуальных с точки зрения социально-политических процессов и реалий, включая случаи безэквивалентности; 5) отражение национальных стереотипов на лексическом уровне.

В заключение отметим, что подобное явление лексического трансплантирования может обуславливаться факторами культурной и территориальной близости народов, политическими и социальными аспектами, а в языке СМИ нередко с его помощью могут выражаться симпатии и антипатии по отношению к определенному описываемому объекту. Заявленная проблема, безусловно, требует более пристального внимания и глубокого анализа, особенно в свете активного развития интернет-коммуникации, где подобные элементы выполняют различные стилистические и прагматические функции.

Отметим также, что в ряде случаев старые заимствования подвержены процессу актуализации значения и в новых условиях (социально-политических, с одной стороны, и чисто языковых, контекстуально-прагматических, – с другой) способны приобретать новые значения. Такие лексические единицы могут обогащать словарный состав национального языка и способствовать процессу его неологизации.

ЛИТЕРАТУРА

Віра Титівна КОЛОМІЄЦЬ, 1973: *Розвиток лексики слов'янських мов в післявоєнний період*. Київ: Наук. Думка.

Галина Алексеевна ЛИЛИЧ, 1958: К вопросу о лексических заимствованиях из русского языка в чешский. *Славянское языкознание* 44/250, 41–52.

Галина Алексеевна ЛИЛИЧ, 1974: Из истории русских лексических заимствований в чешском языке. *Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского и чешского языков*. Прага: Карлов университет. 283–290.

Галина Алексеевна ЛИЛИЧ, 2003: Русизмы в чешском литературном языке: вчера и сегодня. *Современные языковые процессы: Межвузовский сборник*. СПб.: Изд-во СПбГУ. 46–55.

Галина Алексеевна ЛИЛИЧ, 2016: *Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка (конец XVIII – начало XIX)*. Санкт-Петербург – Грайфсвальд – Гейдельберг.

Валерий Михайлович МОКИЕНКО, Татьяна Геннадьевна НИКИТИНА, 1998: *Толковый словарь языка Совдепии*. СПб.: Фолио-пресс.

Галина Парфеньевна НЕЩИМЕНКО, 2003: *Языковая ситуация в славянских странах*. М.: Наука.

Драгомира САБОЛОВА, 2018: Новообразования на базе лексической единицы майдан в интернет-пространстве. *Русин* 2/52, 207–220.

Александр Викторович САВЧЕНКО, 2002: *Интертекстуальные элементы в структуре художественного произведения как экспрессивно-выразительное средство (на материале романа чешского писателя Й. Шкворецкого «Танковый батальон»)*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. СПб.

Александр Викторович САВЧЕНКО, Михаил Сергеевич ХМЕЛЕВСКИЙ, 2008: Межславянские лексические трансплантации в современной прессе. *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich* 6. Opis, konfrontacja, przekład. Wrocław. 403–408.

Александр Викторович САВЧЕНКО, Михаил Сергеевич ХМЕЛЕВСКИЙ, 2018: Прием лексической трансплантации из русского языка как характерная черта современного украинского разговорного дискурса. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 60/2, 347–355.

Михаил Сергеевич ХМЕЛЕВСКИЙ, 2018: Концептуальное переосмысление тюркизов, ставших национальными символами славянских народов. *Межэтническое взаимодействие в поликультурном образовательном пространстве: проблемы языкового взаимодействия и межкультурной коммуникации*. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева. 118–124.

František DANEŠ, 1997: Situace a celkový stav dnešní češtiny. *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia. 12–24.

Miloš DOKULIL, 1951: Nová skutečnost v zrcadle slovní zásoby češtiny. *Naše řeč* 35/7–8, 121–131.

Jiří HASIL, 2001: Proměny společnosti a jazyka. *Jazyk i literatura czeska u schyłku XX wieku. Český jazyk a literatura na sklonku XX. století*. Wałbrzych, Ostrava. 85–92.

Karel HAUSENBLAS, 1950: Jaký český výraz pro «trudoděň»? *Naše řeč* 34/3–4, 76–77.

Josef HOLUB, František KOPEČNÝ, 1952: *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Státní nakladatelství učebnic.

Jiří KOROSTENSKI, 2016: K postavení ruštiny v českých zemích a na Slovensku do roku 1899. *Opera Slavica* XXVI/2, 39–48.

Hana KRÍŽKOVÁ, 1953: Ruské lexikální prvky v češtině po roce 1945. *Knihy o překládání*. Praha. 179–197.

Olga MARTINCOVÁ, kolektiv, 1998: *Nová slova v češtině. Slovník neologizmů 1*. Praha: Academia.

Olga MARTINCOVÁ, kolektiv, 2004: *Nová slova v češtině. Slovník neologizmů 2*. Praha: Academia.

Jiří NEKVAPIL, 1979: K dnešnímu stavu vojenského slangu. *Naše řeč* 62/3, 130–141.

František TRÁVNÍČEK, 1952: *Slovník jazyka českého*. Praha: Slovanské nakladatelství.

RUSIZMI IN UKRAJINIZMI V ČEŠČINI KONEC 20. IN NA ZAČETKU 21. STOLETJA: NOVO SOOZNAČEVANJE IN SOBESEDILNO-PRAGMATIČNI POMEN

Besedni prenos iz ruščine v češčino je imel pomembno vlogo pri oživitvi češkega knjižnega jezika, v 20. in 21. stoletju pa rusizmi v češčini opravljajo še druge slogovne in pragmatične funkcije. Navedeno še posebej velja za rusizme – sovjetizme, ki so v češčino prišli v 20. stoletju v času socializma. Gre za besedne prenose, ki so v tuji jezik preneseni v izhodiščni obliki ali pa so preoblikovani zaradi glasoslovnega, oblikoslovnega ali besednega prilikovanja. Analiziranega jezikovnega pojava pa ne smemo enačiti z leksikalnim prevzemanjem, saj taki besedni prenosi v posameznem jeziku že imajo leksikalne ustreznice, medtem ko z običajnim prevzemanjem iz drugih jezikov zapolnjujemo različne jezikovne vrzeli, ki nastajajo v besedišču in spadajo na raven knjižnega jezika. Razlika med besednim prenosom in prevzeto besedo je torej v tem, da besedni prenosi običajno niso zabeleženi v slovarjih in se v večini primerov uporabljajo le posamično. Vključevanje elementov tujega jezika v vsakdanje neformalno sporazumevanje pa ob tem še ni bilo podrobneje raziskano, kar je še posebej značilno za tesno povezane sorodne narode, jezike in kulture.
